

1939 ГОД: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Степень ответственности советского руководства за начало самой кровопролитной войны в истории человечества стала предметом острых дискуссий в научной литературе последних лет. К началу 90-х гг. в историографии — как в российской, украинской, так и в западной — определились две противостоящие друг другу концепции относительно политики СССР в 1939 г. Согласно точке зрения одной группы историков (1) Советский Союз руководствовался почти исключительно интересами собственной безопасности. По мнению же другой группы ученых (2), советское правительство настолько заботилось о безопасности страны, сколько преследовало определенные экспансионистские цели.

Понимание причастности (в той или иной степени) СССР к началу второй мировой войны, те неисчислимы бедствия, которые эта война принесла, заставляют историков изучать возможные пути выхода из предвоенного политического кризиса. Задача данных заметок заключается в том, чтобы попытаться проанализировать предлагаемые варианты развития событий с точки зрения их вероятности и конечного результата.

Все авторы, серьезно рассматривавшие проблему альтернативы, в первую очередь, указывают на вариант достижения соглашения с западными державами на основе компромисса. Если С. В. Волков и Ю. В. Емельянов считают, что это привело бы к войне между СССР и Германией и «разгрому ряда советских армий в сражениях на территории Польши, Белоруссии или Украины...» при слабой и ненадежной помощи Запада (3), то Н. В. Загладин делает вывод о том, что Германия отказалась бы от нападения на Польшу и попыталась бы достичь с ней соглашения на основе привлечения к «оси» Берлин — Рим и обещания территориальных компенсаций за счет СССР. Польша же, как были уве-

рены в Москве, благосклонно встретила бы такую попытку (4). М. И. Семиряга ограничивается констатацией возможности англо-франко-советского соглашения на основе взаимных уступок (5). Впрочем, отсутствие для Германии благожелательной позиции СССР неизбежно означало бы для первой самую убийственную войну на два фронта, на которую немцы вряд ли бы пошли (6). Особняком стоит вариант В. Суворова: независимо от позиции Англии, Франции или Польши и руководствуясь интересами собственной безопасности, СССР объявляет, что будет защищать границы Польши как свои собственные — так было в случае с Монголией, а Красная Армия подождет просьбы о помощи со стороны терпящих поражение поляков (7).

Итак, компромисс достигнут, политический договор и военная конвенция подписаны. В этом случае Гитлер, скорее всего, вообще не начал бы войну с Польшей. Но даже если бы нападение произошло, трудно утверждать, что это привело бы к «разгрому ряда советских армий». Красная Армия в полной боевой готовности (в отличие от 1941 г.) встретила бы врага или на территории Польши, куда ее в конце концов пригласили бы поляки, или вдоль старой госграницы, опираясь на систему УРов. Да и соотношение сил было бы не в пользу агрессора. Как известно, начальник Генштаба командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников говорил на военных переговорах в Москве о готовности СССР выставить на европейский фронт 120 стрелковых и 16 кавдивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, до 10 тыс. танков и до 5,5 тыс. боевых самолетов (8). Советский вариант военной конвенции предусматривал четкие обязательства сторон по количеству соединений и боевой техники, выставляемых против общего врага, срокам начала активных боевых действий и даже направлениям главных ударов (9). Это значит, что западные союзники не смогли бы взвалить на СССР основную тяжесть военных действий без явного нарушения принятых на себя обязательств. Шансы Германии оказались бы равными нулю. Отказ же от нападения на Польшу не означал бы отказ от агрессии вообще. «Динамизм» третьего рейха рано или поздно нашел бы себе выход. Поэтому, учитывая традиционный антисоветизм польского руководства, наиболее вероятным выглядит вариант, предложенный Н. В. Загладиным. В самом деле, совместно с Германией, Польша приняла участие в разделе Чехословакии. Благодаря агентурной разведке в Кремле знали о надеждах поляков в будущем не остаться в

стороне и, наравне с Германией, принять участие в разделе Советского Союза (10). О претензиях на Советскую Украину и на выход к Черному морю совершенно открыто говорил министр иностранных дел Польши Ю. Бек во время переговоров с Риббентропом в конце января 1939 г. (11). Польша могла стать младшим партнером Германии в походе на Восток. Что касается предположения В. Суворова, то параллель между Монголией и Польшей неправомерна, т. к. с первой был подписан протокол о взаимной помощи. Более того, в случае бескорыстной защиты польских границ западные страны не несли бы никаких обязательств в отношении СССР.

Еще одна вероятная возможность для страны: не заключать соглашения ни с Германией, ни с Англией и Францией. Это, по мнению С. В. Волкова и Ю. В. Емельянова, дало бы определенную отсрочку вступления Советского Союза в войну, но неизбежная агрессия Германии началась бы с рубежей по советско-польской границе 1939 г., что повлекло бы за собой еще более катастрофический разгром соединений РККА, чем тот, который был в 1941 г. (12). Эта же возможность, по М. И. Семиряге, означала, что СССР сохранял бы подлинный нейтральный статус, выигрывая максимально возможное время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне. Время работало на Советский Союз, а не на Германию (13).

Если бы советское руководство поступило так, как предполагают С. В. Волков, Ю. В. Емельянов и М. И. Семиряга, то Берлин, вероятно, поверил бы в нейтралитет СССР и напал бы на Польшу. Причем за этот нейтралитет немцам не пришлось бы платить, как произошло в действительности. А затем повторилась бы ситуация сентября 1939 г. — июня 1940 г. с той лишь разницей, что сопротивление поляков длилось бы несколько дольше, а Германия испытывала бы лишения от морской блокады. Нельзя, однако, рассчитывать, что блокада в конце концов сломала бы немцев, т. к. они захватили в оккупированных странах огромные запасы стратегического сырья: металлов, горючего, резины и т. д. (14). Следовательно, подготовка к нападению на СССР проходила бы так же, как это и было на самом деле. Поэтому, Советский Союз получил бы времени не больше, чем его оказалось в реальной истории при сохранении западных границ на рубежах 1939 г. Не углубляясь далее в область вероятного, можно сделать вывод, что более верным выглядит ва-

риант развития событий, предложенный С. В. Волковым и Ю. В. Емельяновым.

И, наконец, третья возможность: СССР подписывает договор о ненападении с Германией, но включает в него статью, дающую право аннулировать документ в случае нападения одной из договаривающихся сторон на третью страну. Одновременно, Москва настойчиво пытается добиться соглашения с западными державами (15). Даже само по себе продолжение московских переговоров могло бы оказать сдерживающее воздействие на Берлин (16). С таким тезисом не согласны Ф. Ковалев и О. Ржешевский, считая, что это не остановило бы Гитлера (17). В данном случае Советский Союз пошел бы на договор, аналогичный тем, которые были заключены ранее с другими странами. Казалось бы, немцев не устраивал такой документ, но можно полагать, что они нашли бы способ обойти ключевую статью, формально не нарушив ее. На первый взгляд, действительно, продолжение московских переговоров создало бы для Германии обстановку тревожной неопределенности, чреватой опасными последствиями и Гитлер, возможно, не решился бы воевать. Однако, существуют документальные свидетельства, которые опровергают эту точку зрения. Согласно им, фюрер, напротив, стремился использовать имеющиеся противоречия на московских переговорах и, если советско-германские контакты окончатся ничем, попытаться рискнуть разделаться с Польшей до того, как в Москве смогут о чем-нибудь договориться (18). Как бы там ни было, но ни один из указанных в рамках «третьей возможности» вариантов нельзя признать удовлетворительным в смысле сохранения европейского мира.

На основе анализа альтернативных вариантов развития событий напрашивается вывод, что единственным возможным способом предотвратить войну в той обстановке было достижение компромисса между участниками московских переговоров, на который, однако, не были готовы пойти ни советская, ни английская и польская стороны. СССР, как и другие державы, преследовал собственные цели. Поэтому реальные события, которые привели к войне, были вызваны не трагическим стечением обстоятельств, а стали результатом целенаправленной и расчетливой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ежов В. Антигитлеровская коалиция до войны. Возможности и реальности//Литературная газета. — 1989. — 26 апреля. — С. 14; Ко-

- валь В. С. Радянсько-німецький пакт 1939 р. — К. — 1989. — С. 23; Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. — Париж — Нью-Йорк — Львів. — 1993. — С. 85; Ржешевский О. А. Война//История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. — М. — 1991. — С. 219; Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. — М. — 1991. — С. 292, 349, 352—353, 357; Якушевский А. С. Советско-германский договор о непадении: взгляд через годы//Страницы истории советского общества. — М. — 1989. — С. 263—264 и др.
2. Дашичев В. И. Из истории сталинистской дипломатии//История и сталинизм. — М. — 1991. — С. 236; Семиряга М. И. Сговор двух диктаторов//История и сталинизм. — М. — 1991. — С. 212; и др.
3. Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М. — 1990. — С. 124—125.
4. Загладин Н. В. История успехов и неудач советской дипломатии. — М. — 1990. — С. 110.
5. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. — М. — 1992. — С. 57.
6. Там же. — С. 55.
7. Суворов Виктор. День М. — М. — 1994. — С. 58.
8. Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. — Т. 2. — М. — 1990. — С. 221.
9. Там же. — С. 168—174, 221—224.
10. Год кризиса. 1938—1939. — Т. 1. — М. — 1990. — С. 105, 162.
11. Там же. — С. 195.
12. Волков С. В., Емельянов Ю. В. Указ. соч. — С. 125.
13. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. — С. 57.
14. Керль Г. Военная экономика и военная промышленность//Итоги второй мировой войны. — М. — 1957. — С. 368.
15. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. — С. 57.
16. Суворов В. Указ. соч. — С. 58.
17. Ковалев Ф., Ржевский О. Так начиналась война//Правда. — 1988. — 1 сентября.
18. Год кризиса. 1938—1939. — Т. 2. — С. 178.
-